

## **ФОРМИРОВАНИЕ КЕЛЬТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И АНГЛО-САКСОНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ БРИТАНИИ**

Проблема перехода от римского имперского контроля к возникновению раннесредневековых королевств, влияние вторжений и культурных контактов, сущность политической власти в кельтских королевствах по сей день остаются предметом ожесточенных дискуссий в историографии.

В своих дискуссиях исследователи ограничены кругом источников, которые в части, касающейся пост-римской Британии, весьма скудны и пополняются в последнее время почти исключительно за счет археологического и эпиграфического материала. Корпус письменных источников сформирован давно, подробно изучен и в целом рисует картину культурного, экономического и политического дисконтинуитета между римскими институтами и институтами раннесредневекового мира. Археологический и эпиграфический материал не столь однозначен, что позволяет исследователям на его основе делать иногда совершенно противоположные выводы о судьбе римского наследия в Британии и степени преемственности между римским и пост-римским периодами. Это в полной мере касается и проблемы формирования кельтской государственности на территориях, которые после 410 г. стали независимы от римской имперской власти.

Письменные источники по истории англо-саксонского завоевания Британии (прежде всего Гильда и следующий ему во многих отношениях Беда) рисуют картину массового замещения местного кельтского населения пришельцами германского происхождения (*migration model*). На сообщениях этих авторов и строились все концепции ранней англо-саксонской истории в XIX и первой половине XX в. В последние десятилетия гораздо более влиятельной стала идея о сохранении значительных масс местного населения на завоеванных англо-саксами территориях (*war band model*) и, как следствие, пересмотр представлений о характере ранних государственных образований на территории Британии.

Несмотря на то, что дискуссии длились долгие десятилетия, споры не утихают. В рамках англоязычной историографии исследователи распались на две большие группы. К первой можно от-

нести тех, кто защищает относительно плавный переход от имперской власти к пост-римским государственным образованиям (политиям) (см., например: Dark 2002). Ко второй принадлежат те, кто усматривает бóльшую катастрофичность в событиях V–VI вв., указывая на культурный и материальный разрыв между римским периодом и последующими веками в истории Британии (см., например: Faulkner 2000).

Общая канва формирования кельтской государственности выглядит следующим образом. Вслед за выводом римских легионов из Британии начинают возникать первые государственные объединения, характер которых ученым до сих пор не ясен. Есть точка зрения, что главную роль в Британии играли тогда муниципалы, руководство сохранявшихся еще римских городов – отсюда определение периода 410–455 гг. как «*civitates period*» (Mummy 2002). Однако параллельно с ними должны были формироваться и королевства, как это следует из слов Гильды и Беды. Более того, археологические исследования говорят о том, что границы этих королевств первой половины V в. часто совпадали с племенными границами, существовавшими на острове еще до римского завоевания (Dark 1998). Соответственно, формирование кельтской государственности происходило в различных районах Британии на разной основе.

С 455 г., с усилением англо-саксонского проникновения вглубь кельтских территорий, начинается процесс дробления относительно крупных государственных образований (наподобие владений Вортигерна) и переход власти от муниципальных правителей к королям, различавшимся своим этническим происхождением. Среди пяти знаменитых королей, упоминаемых Гильдой, трое носят кельтские имена, двое – римские, а родителей Амвросия Аврелиана он делает и вовсе выходцами из высшей римской аристократии («одетые, бесспорно, в пурпур»), что, по мнению исследователей, может свидетельствовать о связи Амвросия с кем-то из британских узурпаторов позднеримского периода).

Долгий мирный период после победы при горе Бадон отразился и на эволюции кельтской государственности. На протяжении VI в. отмечается процесс консолидации кельтских королевств, выделения среди них более крупных и влиятельных. Стоит в первую очередь отметить Думнонию на юге, Стратклайд на севере и ряд уэльских королевств.

Особенностью политического развития островного кельтского мира было отсутствие политического единства и влияние географических условий на политические процессы. Следовательно, этот процесс имел свою специфику в разных регионах Британии.

На западе Британии отчетливо прослеживается преемственность с римскими временами, иногда растянувшаяся на время жизни нескольких поколений (Mytum 1996. P. 124). В то же время тут возникают новые властные структуры, основанные на местной элите, получившей опыт работы в римских административных органах. Этот процесс сопровождается использованием римских терминов, сфера применения которых, как кажется, даже расширяется. Однако углубление романизации в пост-римский период на западе осложняется широкими миграционными процессами, прежде всего переселением ирландцев в Уэльс и юго-западную Англию. На эти регионы англо-саксонское завоевание не оказывало существенного влияния вплоть до второй половины VI в.

На севере же, в районе вала Адриана, большим влиянием пользовались военачальники, и, по мнению ряда исследователей, именно они стали основателями местных политий (Wilmott 2002). Романизация этих районов была гораздо слабее и не сказалась практически на новых государствах.

На протяжении V–VI вв. границы кельтских владений неуклонно смещались к западу, на территории же востока и юго-востока Англии начинается формирование англо-саксонских государств. Но если раньше этот процесс рассматривали именно как становление германской государственности (с появлением в регионе масс переселенцев – не только военной элиты, но и скотоводов и земледельцев), то на современном этапе постулируется сохранение значительных масс местного кельтского населения. В такой ситуации происходит лишь смена господствующей верхушки – с кельтской на германскую, без существенных перемен в системе землепользования и расселения, этническом составе и других системообразующих признаках ранней государственности в Британии. Правда, загадкой остается археологическая и, особенно, лингвистическая «невидимость» покоренного кельтского населения на территории англо-саксонских королевств. Для разрешения этой загадки было выдвинуто много разнообразных гипотез, однако их рассмотрение не входит в задачу нашего исследования.

Стоит отметить и факт заимствования бриттских имен англосаксами (или наличие среди англо-саксонской военной элиты выходцев из числа бриттов). Самым известным примером является Кердик, хотя нельзя с уверенностью сказать, был ли это бритт или сакс, носивший бриттское имя. Во втором случае возможным представляется предположение, что появление кельтских имен в англо-саксонских королевских династиях было обусловлено ранними династическими браками между представителями германских и кельтских королевских родов (Coates 2007. P. 175).

Более того, отдельные кельтские королевства сохранялись как анклав на территориях, занятых англосаксами (в качестве примера можно привести королевство Элмет (Elmet), располагавшееся в Западном Йоркшире и аннексированное королем Нортумбрии Эдвином лишь в 617 г.: Jones 1975).

С этнической точки зрения ранние королевства на территории острова представляли собой широкий спектр – от преобладания германского элемента на востоке и юго-востоке до преобладания кельтского элемента на западе, с огромным количеством вариаций между двумя этими крайними точками.

В данном контексте противостояние бриттских и англосаксонских королевств теряет вид «цивилизационного» противостояния между двумя различными обществами, прямо антагонистичными друг другу, как это изображается в раннесредневековых источниках. Характер «священной войны» этим столкновениям был придан позднее, уже христианскими авторами (и большая заслуга в этом принадлежит Гильде, хотя он и преследовал иные цели). Сами источники зафиксировали случаи, когда христианин и язычник объединялись для атаки на другого короля-христианина, и раздоры между кельтами-христианами были столь же частыми, как между христианами-кельтами и германскими язычниками (и к данной ситуации можно применить термин «война всех против всех»). Следовательно, особенности развития ранних государств в Британии в V–VI вв. следует искать во внутренних факторах, а не в самом факте англо-саксонского завоевания, как это постулировалось ранее.

#### Литература

*Coates R. Invisible Britons: The View from Linguistics // Britons in Anglo-Saxon England / Ed. by N. Higham. Woodbridge, 2007. P. 172–191.*

- Dark K.R.* Britain and the End of the Roman Empire. Stroud (Gloucestershire); Charleston (S.C.), 2002.
- Faulkner N.* The Decline and Fall of Roman Britain. Stroud (Gloucestershire); Charleston (S.C.), 2000.
- Jones G.R.J.* Early territorial organization in Gwynedd and Elmet // Northern History. 1975. Vol. 10. P. 3–27.
- Mummy K.* The Groans of the Britons: Towards the British *Civitates* Period ca. 406–455 C.E. // Ex Post Factum. 2002. Vol. 11. P. 65–78 ([http://userwww.sfsu.edu/~epf/journal\\_archive/volume\\_XI\\_2002/mummey\\_k.pdf](http://userwww.sfsu.edu/~epf/journal_archive/volume_XI_2002/mummey_k.pdf); дата доступа: 05.01.2012).
- Mytum H.* Early Medieval Settlement in Western Britain and Ireland: cultural unity and diversity // Rurality. Praha, 1996. P. 124–133.
- Wilmott T.* Roman commanders. Dark Age Kings // British Archaeology. 2002. Vol. 63 (<http://www.britarch.ac.uk/ba/ba63/feat1.shtml>); дата доступа: 05.01.2012).

***В.И. Матузова***

## **ВОЙНЫ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ И ЛИТВЕ: КОНФЛИКТ ДВУХ КУЛЬТУР\***

Государство Тевтонского ордена в Пруссии просуществовало немногим более двухсот лет: с конца XIII в. до 1525 г. Общеизвестно, что основы орденского государства были заложены к 1283 г., т.е. ко времени окончания завоевания Пруссии. Таким образом, государственная основа формировалась в ходе военных действий. С одной стороны, это была материальная основа территориального государства: менялись и расширялись границы завоеванных территорий, на которых строились крепости, замки и церковные сооружения, территорий, на которых продолжало жить местное население, постепенно исчезающее в ходе войны или ассимилировавшееся немецкими переселенцами. А, с другой стороны, в плане духовном, шла непрерывная и зачастую непримиримая война двух культур – христианской и языческой.

Вся хроника Петра из Дусбурга построена на контрасте: христиане – рыцари Тевтонского ордена противопоставлены язычникам-пруссам, которых надлежит обратить в христианскую веру.